

Сергей Салиев

ЭРОНИО ПРЕЖДЕ ЧЕМ УМРЕТИ

18+

Сергей Салиев

Напомни о моем дне рождения

<https://litres.ru/74282139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Патриархат пал не от внешнего удара, а от внутреннего износа. Историки единодушны: мужское доминирование привело человечество к краю пропасти — войнам, эксплуатации, эмоциональному банкротству.

Содержание

Глава	4
Пролог. Из «Лекций по социальной гармонии»	5
Глава первая. Коэффициент 1,4	6
Глава вторая. Архив	13
Глава третья. Протоколы	19
Глава четвёртая. Ночь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Салиев
Напомни о моем
дне рождении

Глава

Пролог. Из «Лекций по социальной гармонии»

*Учебник для младших курсов Института Старишинства.
Авторский коллектив под редакцией А.С. Верецагиной, 47-
е издание, дополненное.*

«...Патриархат пал не от внешнего удара, а от внутреннего износа. Историки единодушны: мужское доминирование привело человечество к краю пропасти — войнам, эксплуатации, эмоциональному банкротству. Великое Уравнение, провозглашённое в 2081 году, восстановило естественный порядок: старшинство женщины как гарантия стабильности. В современном обществе мужчина достигает социальной зрелости лишь через присоединение к Старшей. Старшинский Коэффициент (СК) — объективная величина, рассчитываемая по формуле: возраст партнёрши минус возраст мужчины, делённый на десять, плюс базовая единица. СК 1.0 — минимально допустимый показатель. СК ниже 1.0 расценивается как социальная незрелость и влечёт коррекционные меры. Напомним: отношения с женщиной, возраст которой не превышает возраст мужчины более чем на пять лет, классифицируются как паравозрастные и являются тяжким общественным проступком...»

Глава первая. Коэффициент 1,4

Артём проснулся за две минуты до будильника. Это было его проклятие — внутренние часы, которые не позволяли ему ни на секунду отклониться от режима. Он лежал и смотрел на потолок, пока синие цифры на табло у изголовья не сменились с 06:58 на 06:59. Потом прозвучал мягкий гул, и он встал.

Квартира была скромной, но чистой. Тридцать два квадратных метра — положенные специалисту III ранга с СК 1,4. На стене, между сертификатом о прохождении курса эмоциональной дисциплины и дипломом института, висел портрет. Раиса Петровна в тёмно-зелёном костюме, с орденом «За стабильность» на груди, смотрела на него с лёгким, почти незаметным превосходством. Ей было шестьдесят семь. Ему — двадцать восемь. Разница в тридцать девять лет давала ему коэффициент 1,39, округлённый до 1,4. Хороший, солидный коэффициент. Не выдающийся, но и не позорный. С ним можно было претендовать на повышение через год-другой.

Артём умылся, выпил стандартную порцию утреннего геля — белково-витаминная смесь, нейтральная на вкус, — и оделся. Серый костюм, белая рубашка, галстук цвета слоновой кости. Цвета не должны привлекать внимания. Привлекательность — прерогатива Старших. Молодые мужчины

обязаны быть фоном, опорой, тенью.

На кухне он не стал готовить завтрак — голодал по утрам, как и половина его коллег. Экономия времени и калорий. Вместо этого он включил экран.

«...с радостью сообщаем, — говорила ведущая, женщина лет пятидесяти с ярко выраженной сединой, которую она, наоборот, подчёркивала, — что сегодня в Центральном Доме Старшинства состоится церемония повышения СК для трёх молодых специалистов. Среди них — старший инженер Дмитрий Соловьёв, чей СК вырастет с 1,6 до 1,9 благодаря переходу в Союз с почётной Марией Ивановной Крыловой, девяносто двух лет. Это событие наглядно демонстрирует, что приверженность идеалам гармонии открывает безграничные перспективы...»

Артём выключил экран. 1,9. Он представил себе Соловьёва — высокого, сутулого, с вечно красными от бессонницы глазами. Девяностодвухлетняя Крылова. Солидный СК. Соловьёв теперь мог претендовать на пост замначальника отдела. Или даже начальника.

Он вышел из квартиры, спустился на лифте, прошёл мимо стенда с фотографиями «Лучших Союзов месяца». Молодые мужчины в костюмах, стоящие на коленях или в полупоклоне рядом с женщинами в возрасте. Под каждой фотографией — цифра. 1,5. 1,7. 2,1. Рекорд месяца — 2,3. Двадцатидвухлетний юноша с женщиной, которой было девяносто пять. Юноша улыбался так, будто его щёки держали шпильки.

На улице было прохладно. Артём пошёл к станции метро, привычно держа дистанцию в полтора метра от других мужчин. Близость к коллегам-по-полу без присутствия Старшей считалась подозрительной. «Групповая незрелость» — так называлось это явление в официальных документах.

В вагоне он достал читатель и открыл рабочие материалы. Сегодня ему предстояло закончить статью для журнала «Гармония».

«...Молодой мужчина, не обладающий Старшей, подобен дереву без корней. Он может казаться зелёным и крепким, но первый же ветер социальных потрясений сорвёт его с места. Старшая — это не только партнёрша. Это носительница опыта, мудрости, связи времен. Мужчина в Союзе учится смирению, терпению, служению. Он учится видеть в женщине не объект желания, а субъект истории...»

Артём читал свой же текст и чувствовал, как слова скользят по мозгу, не задевая ничего внутри. Он писал это вчера, и писал хорошо — его статьи часто цитировали на собраниях. Но сейчас, в утреннем полумраке вагона, они казались ему чужими. Как будто их написал кто-то другой. Кто-то, кто верил.

Он вышел на станции «Институтская» и направился к зданию Министерства Социальной Гармонии. Башня из чёрного стекла и бетона, скульптурная группа у входа: молодой мужчина поддерживает локтем пожилую женщину, а она указывает вдаль. «Взгляд в будущее». Артём проходил ми-

мо этой скульптуры каждый день и никогда не задерживал взгляд.

Его кабинет был на девятом этаже. Маленький, с окном на внутренний двор, где росли три берёзы — единственное зелёное пятно в радиусе километра. На столе лежала памятка: «Напоминание о Дне Уважения. Союзник Ковалёв А. обязан явиться к Старшей Петровой Р.И. сегодня, 14-го, в 18:00. Неявка влечёт снижение СК на 0,1».

Он положил памятку в ящик стола. День Уважения. Раз в неделю. Приходи, принеси цветы (искусственные, живые разрешены только Старшим), выслушай рассказы о прошлом, согласишься со всем, предложи чай, убери посуду, получи подпись в журнале посещений. Формальность. Но без этой формальности — нет СК. А без СК — нет квартиры, работы, медицинской страховки. Нет права на существование.

«Артём Сергеевич.»

Он обернулся. В дверях стояла Антонина Сергеевна, начальник отдела пропаганды. Ей было семьдесят один год, и она выглядела так, будто возраст был для неё оружием, а не бременем. Серебристые волосы, собранные в тугий пучок, тёмные глаза без намёка на смягчение.

— Зайдите ко мне через десять минут. Будет важное объявление.

— Да, Антонина Сергеевна.

Она кивнула и ушла. Артём заметил, как его коллега, Па-

вел, сидевший за соседним столом, с облегчением выдохнул. Павел был моложе Артёма на два года, его СК — 1,2. Партнёрша ему досталась «дешёвая» — шестидесятитрёхлетняя бывшая учительница, почти без связей. Павел молча ждал повышения, как приговорённый ждёт казни.

— Что думаешь, о чём речь? — шепнул Павел.

— Не знаю, — ответил Артём. — Может, новый указ?

— Будь что угодно, лишь бы не сокращение СК.

Артём не ответил. Он смотрел на берёзы во дворе. Листья уже начинали желтеть. Осень наступала быстро, как всё в этом городе.

—

В кабинете Антонины Сергеевны пахло лавандой и старыми книгами. На стене висел портрет Основательницы — Елены Васильевны Громовой, первой Главы Совета Старшинства, женщины с лицом, похожим на отточенный камень.

— Садитесь, Ковалёв.

Артём сел на край стула. Антонина Сергеевна не садилась. Она предпочитала разговаривать стоя — так она казалась ещё выше, а собеседник ещё меньше.

— В ваш отдел переводят нового сотрудника. Из архивного бюро. Её зовут Вера Орлова. Двадцать восемь лет.

Артём моргнул. Двадцать восемь. Ровесница. В одном отделе. Это было... необычно. Молодые женщины редко попадали в пропаганду. Их обычно направляли в производство, образование или — если были проблемы с поведением — в

коррекционные учреждения.

— У неё... — Артём осёкся, не зная, как сформулировать вопрос.

— У неё отличные рекомендации, — холодно закончила Антонина Сергеевна. — И неприкосновенный статус. Она вдова.

Вдова. Это слово звучало в новом мире почти как «героиня». Женщина, потерявшая мужа, приобретала особый статус. Не Старшая, но и не обычная. Скорбящая. Неприкасаемая.

— Она будет работать с документами Основательницы. Подготовка к юбилею. Вам поручено оказать ей содействие. Показать архивы, помочь с доступом.

— Понял, Антонина Сергеевна.

— И ещё кое-что. — Она наклонилась, положив ладони на стол. — Вера Орлова — молодая. Очень молодая. Вы понимаете, о чём я?

Артём почувствовал, как кровь приливает к лицу. Он понимал. Паравозрастные мысли — мысли о привлекательности ровесницы — фиксировались как потенциальное преступление ещё до совершения акта. Достаточно было «эмоциональной нестабильности в присутствии объекта».

— Я... я понимаю, — сказал он.

— Ваш СК 1,4, Ковалёв. Вы не из тех, кто рискует ради глупостей. Но я предупреждаю официально. Любое нарушение дистанции, любой инцидент — и вы оба подлежите экс-

пертизе. Ясно?

— Ясно.

— Свободны.

Он вышел. В коридоре, прислонившись к стене, он закрыл глаза и сосчитал до десяти. Потом до двадцати. Потом открыл глаза и пошёл к себе. Новая сотрудница. Ровесница. Вдова. И он уже боялся её увидеть.

Не потому, что мог совершить преступление.

А потому, что вдруг — страшно, невыносимо страшно — захотелось.

Глава вторая. Архив

Он увидел её на следующий день. Она сидела за столом в дальнем углу кабинета — там, где раньше хранились запасные принтеры. Теперь там стоял стол, стул, и она.

Вера Орлова была одета в стандартный серый костюм, как и полагалось, но на нём было что-то не так. Артём сразу понял что: она не носила Маскуляж. Это был обязательный элемент одежды для женщин до пятидесяти — специальный корсетный слой, который скрывал талию, бёдра, грудь, делая фигуру безликой, похожей на прямоугольник. «Не провоцировать паравозрастное влечение» — так гласила формулировка. Но Вера... её костюм был просто костюмом. Подогнанным, но не скрывающим. Она сидела, склонившись над документами, и её шея, выступавшая из воротника, казалась Артёму невероятно длинной и уязвимой.

Он остановился у дверей. Она подняла глаза.

— Вы Ковалёв? — спросила она. Голос был тихим, но не робким. Скорее усталым.

— Да. Артём. Мне поручено... помочь с архивами.

— Я знаю. — Она кивнула на стул напротив. — Садитесь. Мне нужны материалы 2081–2083 годов. Протоколы первых Советов. Антонина Сергеевна сказала, у вас есть доступ.

Он сел. Расстояние между ними было меньше полутора метров. Он чувствовал это физически, как чувствовал бы

жар или холод.

— Доступ есть, — сказал он. — Но материалы тех лет частично засекречены. Требуется разрешение Совета.

— У меня есть разрешение. — Она протянула ему голографический чип. — От Главы Архивного Бюро.

Артём взял чип. Его пальцы коснулись её рук. Это было мгновенное, почти невесомое касание. Но он вздрогнул, как от удара током. Она, казалось, тоже замерла на долю секунды.

— Простите, — сказал он автоматически.

— Зачем? — она посмотрела на него с лёгким удивлением. — Вы что-то сделали?

Он не знал, что ответить. В мире, где любое прикосновение между ровесниками регламентировалось и подозревалось, «простите» было рефлексом. Но она спрашивала, как будто не понимала этого рефлекса.

— Нет, — сказал он наконец. — Ничего.

Она вернулась к документам. Артём сидел и смотрел на неё. На то, как она читала — быстро, жадно, словно пытается найти что-то конкретное. На то, как она поправила прядь волос, убранных в небрежный пучок. На то, что её волосы были тёмно-русыми, с оттенком, который он не мог назвать.

— Вы вдова, — сказал он, и тут же пожалел. Это было грубо. Не положено.

Она подняла глаза. В них не было обиды. Было что-то другое — оценка, изучение.

— Да. Муж погиб на производстве. Три года назад.

— Простите, — повторил он.

— Опять «простите». — Она слегка улыбнулась, и эта улыбка была такой неожиданной, что Артём забыл дышать.

— Вы часто извиняетесь?

— Я... не знаю.

— Не извиняйтесь за то, что не совершали. — Она вернулась к чтению. — И не спрашивайте о муже. Это в прошлом.

Он кивнул, хотя она уже не смотрела. Потом встал.

— Я принесу архивные диски. Они хранятся в подвале. Нужно будет заполнить заявку.

— Заполните, — сказала она. — Я доверяю.

Он вышел из кабинета и пошёл к лифту. В груди что-то тревожно ёжилось — не желание, нет, он бы узнал желание. Это было что-то другое. Что-то, чего у него не было слов. Он шёл по коридору министерства, мимо портретов Старших, мимо лозунгов, мимо скульптур, и чувствовал, как в нём открывается дверь, которую он не знал, которую не должен был открывать. И за той дверью — пустота. Или свет. Или пропасть.

—

Вечером, как и положено, он поехал к Раисе Петровне. Она жила в Старшем квартале — районе с улучшенной экологией, где деревья были настоящими, а не пластиковыми, и где воздух пахло не озоном, а землёй.

Квартира Раисы Петровны занимала верхний этаж старо-

го дома. Три комнаты, высокие потолки, книжные шкафы с настоящими бумажными книгами. Она открыла дверь сама — у неё не было домашнего персонала, она считала это роскошью, недостойной истинной Старшей.

— Артём. Проходи. Ты опоздал на четыре минуты.

— Извините, Раиса Петровна. Задержался на работе.

— Работа — не оправдание. Дисциплина превыше всего.

Он вошёл, снял галстук (в присутствии Старшей мужчины могли снимать верхнюю одежду, но только по разрешению), и сел на отведённый ему стул — низкий, с мягкой обивкой, но без спинки. Старшая всегда сидела выше.

Раиса Петровна налила чай. Её руки были морщинистыми, но уверенными. На безымянном пальце — перстень Союза, тяжёлый, золотой.

— Расскажи о работе, — сказала она.

— Готовимся к юбилею Основательницы. Перевели нового сотрудника из архивов.

— Мужчину?

— Женщину, — он сглотнул. — Молодую. Вдову.

Раиса Петровна медленно поставила чашку.

— Вдову. Интересно. И какова её роль?

— Работа с документами 2081 года. Протоколы.

— Ранние протоколы. — Раиса Петровна задумалась. — Там многое было... неокончательно. Многое менялось. Ты помогаешь ей?

— Да. Мне поручено оказать содействие.

— Содействие. — Она произнесла это слово так, будто оно имело скрытый смысл. — Артём, ты знаешь, почему система работает?

— Потому что она справедлива, — ответил он по учебнику.

— Нет. — Раиса Петровна покачала головой. — Потому что каждый знает своё место. И не пытается его изменить. Молодые мужчины служат Старшим. Старшие защищают молодых от их же глупости. Это цепь. Если одно звено ломается — ломается всё.

Он смотрел на неё. Она была умна. Она всегда была умна. Именно поэтому он выбрал её — или, точнее, согласился, когда она выбрала его. Пять лет назад, на Балу Соединения, она подошла к нему, тогда ещё студенту, и сказала: «У тебя хорошие руки. Будешь моим». Он согласился. Кто бы не согласился? СК 1,4 сразу. Карьера. Будущее.

Но сейчас, глядя на неё, он думал о других руках. О тонкой шее. О том, как Вера Орлова сказала: «Не извиняйтесь за то, что не совершали».

— Ты что-то скрываешь, — сказала Раиса Петровна. Не вопрос. Утверждение.

— Нет, — сказал он слишком быстро.

— Я стара. Но не слепа. — Она допила чай. — Уходи сегодня пораньше. И приходи вовремя в следующий раз.

Он встал, поклонился — низко, как положено, — и вышел. В лифте он посмотрел на своё отражение в зеркале. Мо-

лодое лицо. Гладкое. Незнакомое.

Глава третья. Протоколы

На третий день они остались в архиве допоздна.

Артём нашёл нужные диски — старые кристаллические носители, требующие специального считывателя. Он принёс их в кабинет, и они вдвоем смотрели на экран, как на всплывающие из темноты лица людей, умерших сто лет назад.

— Смотри, — Вера указала на протокол от 14 марта 2082 года. — Здесь говорится о «временной мере». О добровольности первых Союзов. «Молодые граждане, желающие ускорить социальную адаптацию, могут вступить в Старшинский Союз по собственному желанию. Поощрение необязательно».

— Обязательно стало позже, — сказал Артём. — В 2090-х. После Кризиса Незрелости.

— Кризиса, которого могло и не быть, — тихо сказала Вера. — Если бы не начали принуждать.

Он посмотрел на неё. Она была очень близко — их плечи почти касались. Запах от неё шёл странный, не похожий на лаванду и дезинфекцию, которыми пахли все. Земляной. Живой.

— Вы... вы не должны так говорить, — прошептал он. — Здесь могут быть датчики.

— Здесь нет датчиков, — ответила она. — Я проверила. В архивном бюро нет слежки — слишком много старых частот.

Они мешают современным устройствам.

— Откуда вы знаете?

— Я работала там три года. — Она повернулась к нему. В свете экрана её глаза казались серыми. — Артём. Могу я так к вам обращаться?

Он кивнул. Его горло пересохло.

— Я ищу кое-что. Не для юбилея. Для себя. Мою мать отправили в коррекционный центр, когда мне было шесть. Я не помню её лица. Но я знаю, что она была «паравозрастной». Она любила моего отца. Ровесника. Их поймали. Её забрали. Его... его ликвидировали как «социально неадаптивный элемент».

Артём замер. Он слышал о таких случаях. В учебниках они назывались «крайними мерами для сохранения гармонии». Но слушать это из уст живого человека...

— Я хочу найти документ о её судьбе, — продолжала Вера. — И документ о моей дочери.

— Дочери? — он выдохнул это слово, как будто оно обожгло.

— Мне было девятнадцать. Я думала, я умна. Я думала, я спрячу. Но они находят всё. Они забрали её сразу после рождения. Сказали, что она будет воспитана в государственном детдоме «под опекой достойной Старшей». Я не знаю, где она. Я даже не знаю, жива ли.

Она говорила спокойно. Слишком спокойно. Артём понял, что это спокойствие — стена. За ней — то, что он не мог

себе представить.

— Почему вы говорите мне это? — спросил он.

— Потому что вы смотрите на меня, как на человека. А не как на объект. — Она улыбнулась, и в этой улыбке не было радости. — Потому что когда вы вошли в кабинет, вы не посмотрели на мою грудь. Вы посмотрели мне в глаза. И испугались. Я видела, как вы испугались. И я поняла: вы ещё не сломаны.

— Я...

— Не говорите ничего. — Она встала. — Помогите мне найти документы. Это всё, что я прошу.

Он сидел и смотрел на экран, где мелькали имена людей, чьи жизни были разорваны на части ради «гармонии». И впервые за много лет он задал себе вопрос, который никогда не задавал:

А что, если гармония — это ложь?

Глава четвёртая. Ночь

Они начали встречаться тайно. Не как мужчина и женщина — такие встречи были немислимы, смертельно опасны. Они встречались как союзники. Как два человека, которые случайно нашли друг друга в темноте.

Артём научился обходить датчики. Он узнал, что в архивном подвале, среди полок с древними бумагами, есть уголок, куда не доходит сигнал. Он приносил туда еду, кофе (настоящий, контрабандный, который Вера умудрялась доставать), и они сидели на полу, среди пыли века, и читали.

Она нашла документ о матери. Короткая запись: «Гражданка Орлова Е.В., 24 года, признана виновной в паравозрастной связи. Мера: принудительная социализация, срок неограниченный. Место содержания: Коррекционный Центр 4, Северный сектор». Дальше — пустота. Нет даты смерти. Нет даты освобождения. Просто пустота.

— Она может быть жива, — сказала Вера, глядя на бумагу, как на икону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.